

Большое насилие над религиозной совестью трудно себе представить. В частности, для православных создается такое положение, что они кое-где еще могут легально совершать богослужения по своему обряду /впрочем, перед войной предоставленных православным храмов уже почти не оставалось/, но при этом не могут легально исполнять требований своего вероисповедания касательно канонического устройства Церкви. Эти требования они могут выполнять только нелегальным образом. В особенности это относится к осуществлению и повиновению церковной власти архиереев.

Официально в Советском Союзе вообще нет архиереев, и самое слово "архиерей" языку советских законов неизвестно. Для обозначения священнослужителей всех вероисповеданий и любой степени большевики установили только одно выражение, и именно - "служители культа". Все служители культа равноправны или, лучше сказать, одинаково бесправны. В этом отношении никакого различия между диаконом, пресвитером, архиереем не проводится. Каждый из них имеет право совершать культовые действия в храме, при котором зарегистрирован, - и больше никакими правами не обладает. Никаких приказов никто из них давать не может. Если гражданин, являющийся по своей профессии служителем культа, например, архиерей, ссылается на вероисповедные правила, например, на каноны, отдает приказы каким-либо другим гражданам, в том числе и каким-либо служителям того же вероисповедания, напр., священникам, то, в понимании большевиков, он является преступником, ибо покушается на свободу этих граждан, нарушает государственную монополию приказывать и пытается завести незарегистрированное государством властно организованное сообщество, за что и подлежит уголовной каре. А если находятся граждане, повинующиеся подобным приказам служителя культа, то и они подлежат репрессиям, ибо, с одной стороны, обнаруживается их участие в таком незаконном сообществе, а, с другой стороны, обнаруживается социально- опасная отсталость их воззрений. Они настолько повреждены "религиозными предрассудками", что воображают себя обязанными повиноваться каким-то распоряжениям, исходящим не от органов государственной власти, а от служителей культа, которым они, в силу вредного недоразумения, приписывают особые свойства, права и титулы, - в частности, архиерейские.

В виду изложенного, архиерей легально не имеет в своем подчинении никакой власти и, в частности, никаких священнослужителей. Он не имеет права давать никаких распоряжений по своей епархии. По закону, двадцатки совершенно от него независимы и между собой в организационном отношении ничем не связаны. Они вольны принадлежать к "тихоновской ориентации", но не имеют права делать отсюда никаких юридических выводов. В результате такой системы должен получиться полный паралич архиерейской власти и совершенное расстройство епархиальной жизни. Да и вообще, епархия по взгляду большевиков, существуют лишь в воображении верующих, - закон таких организаций не знает.

Разумеется, верующие не могут согласиться с таким положением. И потому нелегально епархии все же продолжают существовать. Большевикам пришлось с этим фактом примириться. Они знают, что среди служителей культа некоторые признаются за архиереев, что священники и члены двадцаток обращаются к ним за распоряжениями, получают такие, а затем притворяются, будто никаких распоряжений не получали и принали соответственные меры по собственному усмотрению. В ряде случаев, особенно если никто из верующих не протестует, большевики закрывают на все это глаза. Они закрывают, например, глаза на то, что двадцатка, возбуждая ходатайство о регистрации определенного священнослужителя, о замене его другим и т.д., предварительно получает на это архиерейское благословение или считается с состоявшимся архиерейским прещением. Но достаточно какому-либо смутьяну сделать донос, чтобы за такие дела подверглись репрессиям и сам архиерей, и те, кто слушается его распоряжений. Поэтому осуществление архиерейской власти зависит фактически от двух условий, - от совершенно добровольной готовности верующих подчиняться своему архиерею и от взаимного доверия между архиереем и ими, - доверия, позволяющего и ему и им не опасаться доносов.

Однако, такое доверие никогда не может быть абсолютным. Осуществление архиерейской власти всегда остается рискованным и, так сказать, спорадическим. В одних случаях архиерей может идти на такой риск, в дру-

гих не может, находя его чрезмерно большим. Поэтому часто архиерейская власть вынуждена бездействовать, она не может осуществляться постоянно и равномерно и проявляется лишь при благоприятных обстоятельствах. В связи с этим, в епархиях отсутствует правильное делопроизводство. Епархиальных Советов, управлений, канцелярий вообще не существует, — этому препятствует уже самая нелегальность епархий. Правильной переписки по епархиальным делам не ведется. Все ведет сам архиерей, предполагая делать это устно, чтобы не оставлять письменных улик. А для устного ведения дел требуется, чтобы к архиерею приезжали с мест священники или члены двадцаток. В виду того, что епархии обширны, а граждане в свободе передвижений стеснены, такие поездки к архиерею имеют характер более или менее случайный. Приходится пользоваться всякой подходящей оказией, которая иногда подолгу заставляет себя ждать. При таких условиях, управление епархий лишается всякой регулярности и превращается в какую то сплошную импровизацию.

При описанных условиях приходится удивляться не тому, что церковная дисциплина шатается, но тому, что она не разрушилась совершенно. Главная заслуга принадлежит в этом отношении самому верующему народу, который требует от своих пастырей чистоты веры и законности священнослужения. Живоцерковничество провалилось, прежде всего, вследствие оппозиции верующих, которые вынули прочь из обновленческих храмов. И они же своим осуждением, немедленно влекущим за собой материальные последствия для пустующего храма и скучающего причта, заставляют духовенство и двадцатки считаться, хотя бы в некоторой мере, с требованиями церковной дисциплины.

Более того, пассивная оппозиция верующих оказалась фактом столь же крупного значения, что с ним пришлось считаться даже жаждущим самим большевикам. Не желая чрезмерно раздражать верующую массу, большевики были вынуждены примириться с существованием Православия и с его победой над обновленчеством и значительно изменить тактику своей борьбы с Церковью. Оказалось, что Церковь нельзя взять открытым, молниеносным штурмом, и что надо подвергнуть ее медленной, планомерной осадке. Это и позволило Церкви, хотя и с огромным уроном, но все же дожить до теперешней войны, сохранив при сем хотя бы некоторую организацию, — т.е. выгадать время и дождаться юридических обстоятельств, позволяющих обоснованно надеяться на скорое крушение большевизма, а, вместе с тем, и на освобождение, воссоздание, возрождение Церкви.

Носильно замедлить, затормозить предпринятое большевиками разрушение Церкви всегда было главной задачей Патриархии. Она стремилась оградить догматическую чистоту и каноническую верность Православия, одолеть схизмы, сохранить канонически-законное преемство высшей церковной власти, удержать канонически-законное положение Российской Церкви среди прочих автокефальных Церквей и довести, таким образом, Церковь до лучшего будущего, когда, после крушения большевизма, Церковь могла бы вновь воспрянуть. Чтобы работать над выполнением этой задачи, Патриархии, прежде всего, надлежало сохранить собственное существование, которому грозила большая опасность.

В самом деле, отрицая существование Церкви, как легальной организации, большевики последовательно должны были не признавать легального существования также и Патриархии. Со времени ареста Патриарха Тихона /1922/ они встали именно на этот путь, с которого не сошли и после его освобождения из-под ареста /1923/, вплоть до самой его смерти /1925/. Но одновременно большевики инсценировали учреждение угодной им "Живой церкви", легализовав высший орган ее управления. Ближайшей задачей они себе поставили замену или поглощение Православия обновленчеством. Для этой цели они сделали целый ряд попыток передать в руки обновленцев управление Православной Церковью. При Патриархе Тихоне ни одна из этих попыток не удалась. Патриархия, хотя и нелегально, продолжала существовать, и большевики находили целесообразным с этим фактом считаться. Они поступали так по двум причинам: 1/ заграницей они ссыпались на существование Патриархии в доказательство того, что, не взирая на свой атеизм, они якобы не подвергают Церкви преследованиям; и 2/ они расчитывали, что им все-таки удастся передать Патриархию в руки своих агентов-обновленцев и с помощью последних взорвать и разрушить Православную Церковь.

изнутри.

После смерти Патриарха Тихона, при Патриаршем Местоблюстителе Митрополите Петре /1925/, большевики продолжали свои попытки в этом направлении, но успеха не достигли. Митрополит Петр был ими сослан в Сибирь и вскоре умер в ссылке. Но перед арестом он успел назначить себе преемника в лице Митрополита Сергия. Последний, оказавшись столь же неуступчивым, был заключен большевиками в тюрьму /1926/. Но перед арестом он предусмотрительно назначил себе целый ряд преемников, которые должны были последовательно принимать на себя обязанности Предстоятеля Церкви. Однако, большевики стали одного за другим подвергать их аресту, так что Церковь жила без Предстоятеля, и дела ее пришли в полное замешательство. Это был период, когда Патриархия не существовала вовсе, а существовало, — и, при том, легально, — только обновленческое управление, которому, однако, Православная Церковь не подчинялась.

Такое положение оказалось неудобным для самих большевиков. С одной стороны, оно компрометировало их за границей, препятствуя успеху их тамошней пропаганды. С другой стороны, большевики убедились в бессилии обновленчества, в его неприемлемости для подавляющего большинства православных, в невозможности с помощью обновленцев распоряжаться Православной Церковью. Поэтому большевики решились пойти на компромисс с Митрополитом Сергием, который, со своей стороны, также пришел к убеждению, что компромисс необходим, чтобы восстановить каконическое управление Церковью и освободить ее от обновленческого засилия. Этот компромисс состоялся в 1927 г. и заключался в том, что Митрополит Сергий провозгласил обязательность лояльного отношения верующих к Советской власти /что ранее был уже вынужден провозгласить Патриарх Тихон/, а большевики зарегистрировали Патриархию, как легальное учреждение, отказавшись от попыток передать ее в руки обновленцев, и, вместе с тем, освободили из заключения Митрополита Сергия, предоставив ему возможность вступить в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя.

Таким образом, ценой политической декларации Митрополита Сергия была куплена легализация Патриархии и освобождение Церкви от обновленческого засилия. По этому типу строились и в дальнейшем отношения между Патриархией и Советской властью. Когда большевики требовали от Митрополита Сергия каких-либо политических шагов, то он принимал их требования лишь под условием тех или иных послаблений Церкви. Приведу особенно яркий пример. В 1930 г. Митрополит Сергий был вынужден дать интервью иностранным журналистам, бессовестно эксплуатировавшим его подневольное положение и, по требованию большевиков, заявить в этом интервью, что Церковь в Советском Союзе вполне свободна и гонениям не подвергается. Митрополит Сергий согласился исполнить это требование большевиков под тем условием, что православные священники не будут подвергнуты т.н. раскулачиванию, как раз тогда происходившему, и это условие было действительно большевиками выполнено. Ценаю унизительного интервью /во время которого за стеной присутствовал агент ГПУ /Митрополит Сергий спас множество сельских священнослужителей, — в те времена они исчислялись еще десятками тысяч, — от разорения и гибели.

Этот пример показывает, что Советская власть и Патриархия противостояли друг другу, как две враждебные силы, вынужденные, — каковая по своим причинам, — итти на обоюдный компромисс. Думается, что такое соотношение сохранилось между ними и поныне. Но перевес был явно на стороне большевиков, и он становился все чувствительнее. Согласившись на компромисс, на какие либо уступки Церкви, большевики затем обманывали Патриархию, делая эти уступки иллюзорными. Так, отказавшись от раскулачивания сельского духовенства, большевики через некоторое время просто начали во множестве отправлять священнослужителей в ссылку, закрывая хармы под каким либо формально законным предлогом, — чаще всего за неуплату заведомо непосильных налогов.

Нужно сказать, что и самая легализация Патриархии не оправдала на практике тех ожиданий, которые первоначально на нее возлагались. Легализована была Не Православная Церковь, как целое, а именно

лишь Патриархия. В результате получилось крайне парадоксальное положение: Патриархия оказалась легальным органом нелегальной организации. Она получила признанную возможность говорить от имени неизвестной Церкви и легально давать распоряжения, ни для кого юридически необязательные. Священнослужители и двадцатки сохранили полную возможность, если им заблагорассудится, игнорировать Патриархию. Ни двадцатки, ни зарегистрированные священнослужители отдельных храмов вовсе не были формально Патриархии подчинены. Все они оселись в исключительном ведении соответственных местных комиссий культов, с которыми Патриархия сноситься не могла.

Сказанное относится также и к архиереям. Архиерей, хотя бы он и принадлежал к составу Патриархии, — в том числе, стало быть, и сам Местоблюститель Патриаршего Престола, — не длежал, как и всякий "служитель культа", регистрации при определенном храме, для чего надо было обратиться в соответственную комиссию культов. Она во всякое время могла отказать ему в регистрации. Таким образом, без согласия комиссии культов ни один Архиерей не мог быть назначен, перемещен, уволен, — не говоря уже о том, что каждый из них в любое время мог быть заключен в тюрьму и сослан. Архиереев, в том числе и состоявших в Патриархии, большевики крепко за jaki в своих тисках.

Работая в Патриархии, мы сравнивали свое положение с положением кур в садке, из которого повар выхватывает свою очередную жертву — одну сегодня, другую завтра, но не всех сразу. Мы прекрасно сознавали, что большевики терпят существование Патриархии только ради собственных выгод, преимущественно пропагандных, и что нам придется быть почти бессильными зрителями постепенного удушения Церкви большевиками. Но, ради Церкви, мы все же мирились со своим унизительным положением, веря в ее конечную непобедимость и стараясь посильнее сохранить ее до лучших времен, до крушения большевизма.

Нас поддерживало в этом сознание, что верующие, добровольно подчиняясь нашему руководству, сами помогают нам поддерживать на канонических основах некоторый минимальный порядок в Церкви и не дают ей рассыпаться. Это подчинение распоряжениям Патриархии не могло быть поставлено верующим в вину, потому что сами же большевики легализовали Патриархию. Патриархия оставалась единственным легализованным органом церковного управления, и потому одна только она сохранила возможность хоть сколько-нибудь упорядочивать церковную жизнь и тормозить разрушение Церкви большевиками. Упускать этой возможности мы не хотели, потому что видели в ней определенную практическую ценность, отказываться от которой Церкви, по нашему суждению, не следовало.

Я и теперь думаю, что мы в этом отношении не ошибались. Но все наши усилия, страдания и унижения окажутся, конечно, напрасными, если безбожный большевизм не падет. С его падением связаны все надежды православных русских людей. Верю, что Господь этих надежд наших не посрамит.

ПАТРИАРШИЙ ЭКЗАРХ /МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ/.

С подлинным верно

Начальник Канцелярии

М. Ильин